

[en]Article is only in russian language[/en]

[ru]

Совместная история России и Прибалтики, сосуществования славянских и прибалтийских народов насчитывает более десяти веков. Летопись былого явственно рассказывает современникам, что здесь, на прибалтийском геополитическом, геоэкономическом и геокультурном перекрёстке, на месте сретения разных европейских культур, цивилизационных пространств европейского Востока и Запада представители ряда этносов жили бок о бок, вполне уживались и большей частью эти народы сохранились до наших дней. Россия укрепилась Петербургом на Балтике, со времён Петра Великого прибалтийские народы получили передышку на двести лет в составе российского государства от бесконечных войн и конфликтов. Именно в составе российской империи прибалтийские народы созревали до уровня наций, которые смогли создать свою государственность в первой половине XX века. Но задолго до петровской Руси, Прибалтика знала вполне развитое государственное устройство сообщества и восходит оно к временам куда более ранним до прихода сюда, сначала на север нынешней Эстонии, датчан и скандинавов, а чуть позднее - германских миссионеров и негоциантов, а затем и колонизировавших эти пространства у Балтийского моря носителей меча в лице крестоносцев. Большая часть прибалтийских территорий принадлежала русским полоцким и новгородско-псковским княжествам. Так, что первый опыт государственности для прибалтийских народов относится к седьмым столетиям конца первого тысячелетия. Правление «русьское» отличалось веротерпимостью, невмешательством княжеской власти во внутреннее общественное устройство и, так сказать, в администрирование населявших эти территории племён и племенных образований балтийско-славянских (например, пруссы, эсты, земгалы, латгалы, литовские народности и прочие) народностей, финно-угорских этносов, в числе последних - ливов и чуди – предков нынешних эстонцев. Под княжеской дланью они, преимущественно, платили дань за защиту от разбойников и татей, от морских набегов этнически разношёрстной, «интернациональной» ватаги варягов, то есть «ворогов», промышлявших на Варяжском* море.

*Предположительно, этимология термина «Балтика» производна от греческого «балтос» - болото.

Впервые христианство здесь появилось, благодаря православным миссионерам и православной власти, которое действовало отнюдь не «огнём и мечом», что строго запрещалось церковными иерархами и самим учением («Бог есть Любовь»), но просвещением. Именно тогда начинается история христианизации Прибалтики и, стало быть, история приобщения к европейской культуре в широком смысле этого цивилизационного явления, близком нашим современникам. Германцы и католические священники пришли сюда позднее, и балты, ливы, чудь вовсе не представились им в виде дикарей, одетых в шкуры, которых следовало привести в «цивилизованный» облик, по стандартам пришельцев. Хотя бы потому, что Прибалтика уже входила в восточно-европейскую цивилизацию с её православием и славянской доминантой. Здесь поступательно и продуктивно развивались отношения в духе взаимообмена и взаимного влияния. Старая Ладога, Новгород, Псков, Киев, Чернигов, Полоцк – значительные примеры и вехи. Уже потом, после прихода и закрепления здесь германцев, с наступлением нового этапа исторического развития, начался многовековой сложный процесс смешения балтийских, финно-угорских, славянско-русских и германских субстратов, процесс формирования определённого рода элиты, высших слоёв социума, получивших название «остзейцев» от немецко-саксонского Остзее (Восточное море), Остланд или Эстланд (Восточная земля), терминологически закрепившемся в более узких и знакомых нам географических понятиях Эстляндии, Эстонии. Остзейцы, они же прибалтийцы (заметим, что термин носит территориальный, географический характер, а не этнический), отличались и отличаются от прибалтов, как именуют нынешних латышей, литовцев, эстонцев, сету Причудья и остатков некогда многочисленных ливов. Впрочем, прибалтами уже называют и русских Прибалтики, предки которых издавна живут здесь, хорошо знают местные языки и культуру. Их вполне закономерно можно называть русскими прибалтами, как, к примеру, русских северян на берегах Белого моря, называют поморами. Различия же относятся скорее к социальной сфере, что, конечно, сказывается и в нормах бытовой культуры.

Нынешние представления, что Прибалтика была в составе России и СССР неким искусственным образованием, а сейчас является «отрезанным ломтем» в цивилизационном смысле, обретая своё якобы естественное состояние в качестве «части Запада и западной культуры», представляются более, чем искусственными. Прибалтика – не только часть восточно-европейской равнины, но и восточно-европейского геокультурного ареала, история которого имеет свою специфику и совершенно обоснованно должна рассматриваться как отдельный объект исторических исследований. Без учёта её особых свойств, изгибов исторического развития, специфики психологии населения трудно понять и понимать прибалтов, тем более строить отношения с учётом далёких перспектив. Значительная роль в понимании

принадлежит мало изученной теме социальных иерархий на протяжении многих веков. Утверждения, что «немецкие бароны угнетали крестьян – эстонцев и латышей», конечно, имеет под собой основания, но они отнюдь не столь однозначны. Так называемые прибалтийские немцы, хоть и являлись носителями действительно преимущественно германо-саксонского культурного образа (религия, язык, обиход, бытовая культура), но, по происхождению, собственно немцами назвать их было бы не вполне верно. Ведь, присутствие русского, балтийского, финно-угорского субстратов в формировании этого привилегированного слоя тоже нельзя сбрасывать со счетов. Именно поэтому автор этой книги предпочитает называть эту социальную категорию не «прибалтийскими немцами», а прибалтийцами. Пребывая на верхних ступеньках социальной лестницы, прибалтийцы стали одним из источников поставки кадров для государственного строительства на длительном протяжении истории многонациональной России, в которой русские – государствообразующий народ. Не германское происхождение исторических личностей, а их принадлежность геокультурному пространству, находящемуся в наибольшей близости к западным рубежам Руси/России, особенности этнокультурного портрета, владение европейскими языками, знание реалий приморских (мореходство) территорий, специфика «интернационального» происхождения, социальная элитарность, склонность к государственной и военной службе (служба, как образ жизни и профессия), своего рода устоявшийся кодекс поведения в субкультуре «остзейцев» (обязанности по контрактной службе следует неукоснительно выполнять) – вот, что делало прибалтийцев привлекательными для высшей власти страны.

Заметим, повторим ещё раз, что термины «остзейцы» или в синониме - прибалтийцы носят географический, территориальный оттенок, указывают не на этнические корни, а на происхождение из территорий Прибалтики.

Здесь скажем, отвлекаясь от основной темы, что у прибалтов сегодняшнего дня сохраняются стереотипы восприятия далёкого минувшего в идеоме «семисотлетнего немецкого рабства» и, как следствие, соответствующее отношение к прошлой

«немецкой» элите. Однако, психологически, как это не странно, этому сопутствует подсознательное стремление современных прибалтов уподобиться образу «господ», господствующего «слоя» (нации) на «своей» территории. Прибалтийскую элиту эстонцы называли «баронами» и «саксами», по эстонскому наименованию немцев – «сакслане», «саксласед» (мн.), от – саксонец, саксонцы. «Сакс» означало господин, хоть и не обязательно немец. Двойственный смысл термина – национальный и социальный - отсылает нас к восприятию прибалтами «остзейцев», то есть прибалтийской элиты по её преимущественно немецкому происхождению, если не сугубо этническому, то по языку и культуре быта, но также и по социальному положению. А кому из низших слоёв общества не хотелось бы оказаться на более высокой ступеньке общественной иерархии? С точки зрения специфики психологии нынешних прибалтов, в особенности эстонцев и латышей, этот исторический опыт, феномен самооценки и стремление к самоутверждению играют существенную роль.

Вне понимания специфики совместной российско-прибалтийской истории, истории Прибалтики вряд ли возможно понимание сегодняшнего дня прибалтийских стран, а также формирование доктринальных и концептуальных основ взаимоотношений между Россией и государствами Прибалтики.

+++

Ныне Прибалтика – часть межцивилизационной зоны между двумя цивилизационными системами, западно-европейской, католическо-протестантско-секулярной, с одной стороны, и с другой, восточно-христианской, православно-славянской. Роль этого пространства определяется парадигмой стретений, встреч в цивилизационном контексте.

Русско-германские исторические контакты и обмен отнюдь не всегда носил конфликтный характер, вернее сказать, эти контакты как раз бытовали, как правило, вне серьёзных конфликтов. Решительное разделение христианской церкви в 1054 году

на Втором Никейском соборе принято считать датой начала отдельной истории исконной православной церкви и выделившейся из неё католической. На деле психологический разрыв произошёл куда позднее, через почти два столетия, когда крестоносцы осквернили святыни Константинополя, что признано именно с такой нелюбезной оценкой в наши дни последними двумя Папами Римскими. Разрыв произошёл как раз в самом конце XII – начале XIII веков. И выразилось это в экспансии, исходившей с запада в направлении востока, в том числе, в приходе на земли Прибалтики торговцев, католических миссионеров и, чуть позднее, крестоносцев.

К тому времени, две, по стереотипам византийских греков, «варварских» империи – германская на западе и русская на востоке – вместе с южной империей древней Византии определяли цивилизационный климат на всём европейском континенте. Как справедливо отмечал выдающийся русский историк, академик Б.А.Рыбаков в своей книге «Язычество древней Руси» (М., 1987), в Европе стали три монарха самого высшего ранга: цесарь Византии, император Германии и будущей «Священной Римской империи», а также «цесарь» (царь) Руси, великий князь Киевский. А между двумя последними простиралась обширная «буферная» зона, которую, с научной точки зрения, предпочтительнее всё же называть межцивилизационным пространством (разработка автора). Здесь лежали земли западных славян, балтийцев и, севернее, чуди или феннов, как их именовал римский историк Корнелий Тацит. Южнее формировалась собственная государственность Чехии и Польши, южных славян и воинственных венгров, а севернее, на Балтике, протославянские балты, русские славяне, норманны и чудь примеривались друг к другу. Вот почему германцы долго оставались для русских «далече», «за синим морем» живущим народом.

Конечно, историческое первенство в формировании древнерусского геополитического пространства принадлежит торговому пути «из варяг в греки». Но на этом фоне как-то несправедливо забывается исключительная важность другой системы торгового обмена - пути из «немец в хазары и Черноморье». Многочисленные караваны двигались через Киевскую Русь, Чехию, польский Краков в южно-германские земли и до далёкой Испании. Скорее всего, историк А.В.Назаренко прав, когда утверждает в своей работе «Русь и Германия в IX – X вв.» (М., 1994), что «империя Рюриковичей» сложилась не просто вокруг пути «из варяг в греки», но и на его пересечении с путём «из немец в хазары». Немецкая купеческая колония на Готланде в XII веке явно была связана с обоими путями или, по крайней мере, эти магистрали были ей хорошо известны и торговля по ним каким-то образом укладывалась в схему тогдашней логистики.

Торговля и поныне остаётся одним из главных двигателей конструктивного международного общения. Торговыми интересами практически всегда определялся

интерес к Прибалтике, в особенности к Эстляндии и Лифляндии, к Ревелю и Риге. Кто контролировал торговые пути, тот и оказывал решающее влияние и имел наибольшие выгоды. Очень красноречив в связи с этим один пример из истории Ганзейского союза, предпринимавшего самые великие усилия, чтобы удержать от коммерческих визитов русских купцов в европейские веси, ибо посредничество было источником доходов и благосостояния для Ганзы*. Предприимчивые новгородцы же появлялись со своими товарами и на Готланде, и в Стокгольме и даже в Любеке, главном ганзейском городе. Вот, что в связи с этим писали правители этих городов в Данциг в 1398 году: «Мы слышали, что русские купцы ради своей торговли начали ездить по морю, чего раньше никогда не было. Мы настоятельно просим, чтобы вы с уважаемым господином Великим магистром говорили и просили его в милость, чтобы было постановлено так, чтобы русских и их товар в наших гаванях никто не брал на суда и не возил»...** Здесь зададимся риторическим вопросом об актуальных проблемах сегодняшнего дня: разве напоминает ли этот перл из ганзейской переписки нечто подобное в виде современных попыток руководства прибалтийских республик и Польши воспрепятствовать строительству российско-германского газопровода «Северный поток» по дну Балтийского моря и в обход территорий этих стран с лишением их изрядных доходов от транзита российского газа в Европу?

*Из староготского «Hanse», букв. «группа, союз». Есть предположение, что связано с собственным именем немецкого происхождения «Ганс» (Hans), т.е. гансы – группа торговых людей, образовавших военно-торговый союз.

**По: Казакова Н.А. «Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в.». М., Л., 1975.

Ещё ранее, основатель Восточно-Франкского государства (843) Людовик Немецкий обращал свои взоры на восточную славянскую Великоморавскую державу. Его союз с ханом или, после крещения, князем Болгарским во многом был политическим шагом, призванным отсечь моравских славян от Византийской империи. Не этими ли

старинными связями объясняется историческое взаимное притяжение болгарских и германских властителей? Ведь, ещё тысяча лет спустя, Болгария и Германия были не раз союзниками в войнах. Или другой любопытный вопрос: каким образом в Киеве, вплоть до 1242 года, существовала ирландская колония ремесленников и монахов, возникшая на правах подворья ирландского монастыря в Регенсбурге, германском городе на баварском отрезке реки Дунай? Видимо, благодаря русско-германским связям и торговому пути «из немец в хазары». Этот путь и стал угасать с нашествиями из монгольской Орды на Русь. Балтийский вектор становился ещё более важным, и здесь уже новгородцы прилагали свои усилия к налаживанию взаимовыгодного обмена с Европой. Да только, ведь, германцы тоже не сидели, сложа руки. Основание Риги в 1201 году и закрепление присутствия в Прибалтике стало частью «северного измерения» германцев наряду с «южным» завоеванием Иерусалима в 1199 году и взятием Константинополя тремя годами позже. Перед германцами всегда простиралась в качестве исторической сцены действий огромная территория на востоке – за Вислой жили родственные славянам пруссы, от них уходило на север побережье Балтики с устьем Двины. Ниже от широты Рижского залива – балтийские племена куршей и жмуди, выше – ливов и чуди. Побережье выводило в нынешний Финский залив и к устью Невы, на север новгородских владений. Исторический миг в 23 года разделил основание немцами Риги и захват древнего Юрьева, города ставшего к тому времени русским форпостом в восточной Прибалтике, предшествуя более позднему Ивангороду, а затем и Петербургу. Нет, не случайно Пётр Великий, когда в начале Северной войны летом 1704 года взял Юрьев-Дерпт, с полным на то правом назвал его «славным отечественным градом». Ибо именно отсюда, с этих земель прежде были вытеснены новгородцы и псковичи.

В Северной войне остзейское дворянство оказалось, преимущественно, в союзниках Петра. Конечно, русский царь, в отличие от грабительской политики шведского короля Карла XI и его сына-воина Карла XII, вернул собственность «баронам» и закрепил надолго особые привилегии, суть которых заключалась, говоря современным слогом, в политике обеспечения реинвестиций в прибалтийский край, разорённый до того, что встал вопрос о самой выживаемости местного населения, а эстонской чуди грозило вымирание и полное исчезновение с карты Европы. Благодаря политике Петра, популяция населения была восстановлена уже к середине следующего века. Симпатии к имперской России со стороны прибалтийцев были понятны. И при этом не стоит забывать, что и само происхождение этих немцев. Во всяком случае, напомним ещё раз, почти все исконные остзейские древние роды сохраняли в фамильной памяти сведения о существенном русском субстрате, во многом благодаря которому, сама легитимность пребывания на прибалтийской земле, право на собственность и нобилитет были обеспечены родством с русскими князьями в давние «полоцкие» времена. Да и с психологической точки зрения такое отношение к возвращению русских, было объяснимо. Ведь германские предки этих родов к высшей немецкой знати на родине не принадлежали. Они были из не самых вышних слоёв германской, «континентальной» знати, священниками, младшими отпрысками дворянских семей, вынужденных сами искать своего счастья и места под солнцем или

даже просто бюргерами. А принадлежность их потомков к русским аристократическим фамилиям посредством престижных браков стало основой признания аристократичности и прав на высокие ступеньки социальной лестницы, что послужило, в свою очередь, одним из мотивов формирования своего рода кодекса рыцарской чести и поведения.

Немецкое слово «ritter» означает рыцаря. Но по свидетельству лингвистов, понятие рыцаря обнаруживается куда раньше до появления немцев в Ливонии. Его можно найти в списках Слова Даниила Заточника, составленных в конце XII века. В других же рукописях Жития Александра Невского говорится о «рыделях», известных в русском языке издревле. Форма же «рыцарь» пришла в языковой обиход только в XIV веке через польский язык.

Видимо, здесь лежат корни комплиментарности, лояльности к России и к русскому элементу со стороны прибалтийских насельников. Ведь большинство, напомним, предано служили России и измена с их стороны была редкостью. Не только природная немецкая склонность к дисциплине и к житию по уставу, воинская и «рыцарская» приверженность к выполнению требований «контракта», но и, порой, подсознательная симпатия, психологическое сопричисление к русским на основе происхождения, будь оно реальным или вымышленным, стало фундаментом для феномена преданности и для преодоления барьеров, обусловленных разностью веры, культуры быта и прочего подобного. Быть русским было престижно, означало причисление себя к правящему большинству и даже к верхушке социальной иерархии.

Национальность никогда не была в России главным фактором на пути к успеху. Надо полагать, не случайно слово «русский» предполагает скорее принадлежность – «чей», «кому принадлежащий». Принадлежность же русской культуре, русскому цивилизационному коду – в этом ключ разгадки того удивительного опыта гармоничного совместного жития людей разного происхождения и веры на одном пространстве, что было ранее и остаётся поныне столь характерной особенностью русской истории, народа и страны. Впрочем, есть и другие примеры. Здесь в качестве иллюстрации приведём две любопытные и, во многом, нетипичные судьбы.

Один из персонажей - представитель одного из древнейших прибалтийских родов, барон Егор фон Розен, изучивший русский язык, будучи уже взрослым, но ставший заметным представителем русской литературы своего времени и преданным слугой

российского отечества. Именно он стал автором либретто к знаменитой опере М.И.Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»). Огромное пространство приняло его, передало ему православно-христианский цивилизационный код и сделало безмерно любящим русский народ сыном отечества. Розен избрал путь христианина, для которого Бог есть любовь, и он стал творцом в русской культуре.

Другой - уроженец Ревеля, выходец из бюргерской семьи, будущий нацистский идеолог и руководителей «Третьего рейха» Альфред Розенберг. Иронией судьбы, этот человек вырос в семье, где говорили дома на русском языке, он учился в русских гимназии и институте, писал своей родне письма на немецком языке ...с ошибками. Более того, Розенберг, по сведениям, обнаруженным таллинским русским исследователем, блестяще владеющим немецким языком, куратором здешним музейным «Домиком Петра» Виктором Ланбергом, апологет «превосходства немецкой расы» явно не в совершенстве владел немецким даже ещё на конец 1930-х годов.

Создатель «расовой теории», Розенберг участвовал в попытке создать новую религию сверхчеловека на основе не только определённой религиозной системы взглядов, круто замешанной на эзотерике, но и на императиве «принципа крови», сугубо этнического происхождения человека, что с неизбежностью привело его к химерам гностицизма, а, стало быть, к тупику.* К тому тупику крайнего индивидуализма, который превращает личность в античеловека, и в котором оказался, в своё время, и философ Фридрих Вильгельм Ницше (1844 – 1900)**, сошедший в конце жизни с ума и закончивший свои дни в Веймарской психиатрической клинике, потому что так и не нашёл выхода из своего колоссального внутреннего противопоставления человека и Бога, который есть любовь. Ницше провозгласил: «Бог умер!». Он повторяет судьбу лишившегося рассудка Ивана Карамазова из «Братьев Карамазов» Ф.М.Достоевского. А если Бога нет, то всё позволено и смысла жизни нет...

*«Кровь, которая умерла, начинает оживать. В её мистическом символе происходит новое построение клеток души германского народа. Современность и прошлое появляются внезапно в новом свете а для будущего вытекает миссия. История и задача будущего больше не означают борьбу класса против класса. Борьбу между церковными догмами и догмами, а означают разногласие между кровью и кровью, расой и расой, народом и народом. Это означает борьбу, духовной ценности против духовной ценности», писал Розенберг в феврале 1930 года в предисловии к своему «Мифу XX века», задуманному им ещё в 1917 году. Здесь и далее по: Альфред Розенберг. «Миф

XX
века». Таллин, 1998.

**Предки Ф.В.Ницше уже с 1570 года жили в Верхнем Лаузице, затем в Бибре, небольшом городке близ старинного Наумбурга. Отец философа, Карл Людвиг Ницше, родился 10 октября 1813 года в семье ойленбургского суперинтенданта Ф.А.Л. Ницше (1756-1826). Родословная семьи теряется в глубине XVI века. Его сестра Элизабет писала о семейной легенде, гласившей, что некий польский шляхтич Ницкий был одним из тех, чьими усилиями саксонский курфюрст Август Сильный был избран в 1697 года королём Польши, за что и удостоился графского титула. Но после отказа Августа от польской короны его верный сторонник из-за участия в заговоре против нового короля Станислава Лещиньского бежал с семьей в немецкие земли и после трёхлетних скитаний осел в Саксонии. Сам Ницше считал, что его род имеет славянское происхождение.

Нет, не случайным было преклонение Розенберга перед учениями гностиков XIII века, кстати, ставшими основой ряда направлений в более позднем масонстве и истоком для политики двойных стандартов, осуществляемой некоторыми современными странами, претендующими на полное господство в мире. Он, неся в себе заложенный с детства матерью-гугеноткой пиетет определённого рода, писал в своём главном труде: «История альбигойцев, вальденсов, манихейцев, арнольдистов, штетигеров, гугенотов, кальвинистов, лютеран описывает, наряду с историей мучеников свободного исследования и изображением героев нордической философии, поднимающуюся картину гигантской борьбы за ценности характера, т.е. за интеллектуально-духовные предпосылки, без существования которых не было бы западной, не было бы народной цивилизации».

Розенберг отринул суть христианского начала, избрав для себя миссию Великого инквизитора из притчи, рассказанной Иваном Карамазовым брату Алёше в «Братьях Карамазовых», и стал не творцом, а разрушителем. Тем и доказал на собственном примере пагубность своего выбора. Его судьба должна стать уроком для всех, кто избирает для себя веру «в исключительность крови», в собственную богоизбранность на основе крови или на ином подобном, а не веру в великие религиозные ценности.

Народ и личность определяется, в конечном итоге, всё же не этническим происхождением и даже не культурным опытом и даже не языком, а верой, о чём так настоятельно говорили Пушкин, Достоевский, Данилевский, а также наш недавно скончавшийся современник А.С.Панарин или западные историософы – немцы Вальтер Шубарт и Оскар Шпенглер или британец Арнольд Тойнби. Судьбы двух антиподов из прибалтийских немцев – Розена и Розенберга это подтверждают. Скажем, что жизнь и смерть Розенберга, в отличие от Розена, являет собой очевидное исключение в общем контексте исторического поведения прибалтийцев.

[/ru]